

DOI: 10.15643/libartrus-2022.6.1

**Интеллигенция в национальной истории: к 100-летней
годовщине «философского парохода». Часть III:
интеллигенция – апофатическая перспектива:
чего не делать**

**© В. В. Ильин*, Е. А. Бирюкова, О. П. Сапегина,
Е. К. Шаура, Т. В. Шафигуллина**

*Калужский филиал Московского государственного технического универси-
тета имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет)
Россия, 248000 г. Калуга, улица Баженова, 2.*

**Email: vvilin@yandex.ru*

*Продолжая предметное обсуждение открытыми в предыдущих номерах
журнала статьями о роли интеллигенции в российском обществе, авторы при-
влекают внимание к традиционному для подобных постановок сюжету: от ка-
кого наследия стоит отказываться. На широком социально-историческом,
политико-гражданском фоне демонстрируется неправомерность характер-
ных «пристрастий» размышляющей публики, передаваемых склонностью к гре-
зам, отрешенным мечтаниям, розовой романтике, отсутствию деловитости,
неготовностью к положительному действию. Естественным манером обозна-
чается санирующая перспектива перехода к «живому делу», отменяющему за-
сыле косности, незаинтересованности, застоя.*

Ключевые слова: интеллигенция, власть, народ, на пути к симбиозу.

Определяющий общественный характер субъектности прямодушный вопрос Горького: «с кем вы, мастера культуры?» имеет столь же открытый, явный ответ: деятели культуры – всегда, везде – со свободой, обслуживающим ее ответственным, достойным служением творчеству, недопускающим рабской зависимости, кабалы, притеснения, гнета, произвола со стороны всех и всяких ущемляющих инстанций, авторитарных деформирующих влияний и в силу того обеспечивающим поступательный прогресс Высокого, Глубокого, Непреходящего в духовной среде, человеческом самосозидании.

Возделывание столпов духовности – исключительно с данным благородным делом и ныне, и присно, и во веки веков должны быть слиты воедино усилия мастеров-деятелей культуры. Казалось бы...

Неприятная коллизия заключается в том, что в возделывании духовной сферы видоразличается заказное и подлинное «свободное» творчество. По выражению Мандельштама, первое – «мразь», второе – «ворованный воздух».

С одной стороны, обслуживающая своим мастерством вершение культуры интеллигенция – должна «влиять», «направлять», «предопределять» (учитывая эффективность рефлексивно-символической оснастки практико-преобразующей деятельности, позволяющей, скажем, и в «Наукоучении» Фихте, и в «Мейстере» Гете усматривать обозначение величайших тенденций протекшего времени) [23, с. 172].

С другой стороны, культурное пестование социальных движений должно питаться предпосылочной готовностью власти, институтов предоставлять средства творческой свободы,

чего традиционно недостает в отечестве, где каждому представителю культуры, осмелившемуся «поднять голову выше уровня, начертанного императорским скипетром», уготован «ужасный, скорбный удел», в силу которого наша культура – «или мартиролог, или реестр ка-торги» [3, с. 208].

Во время оно Карамзин озабочивался проблемой «Отчего в России мало авторских талантов»? Препятствием реализации творческого призвания выступают как внешние, так и внутренние факторы в лице объективных и субъективных предпосылок возможности «живого отношения к современности» (Добролюбов).

Требующий специального рассмотрения сюжет объективных условий свободного творчества, отчасти затронутый ранее [14, 15], отчасти эксплицируемый – ввиду очевидности – прямым указанием на недопустимые инициативы властных инстанций, директивно упраздняющих, разрушающих «искания» (сошлемся лишь на одиозное постановление (23.04.1932 г.) ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», отменяющее создание писательских платформ, групп по интересам и анонсирующее оформление государственных союзов), по причине объемности в дальнейшем осваиваться не будет; основное внимание будет сосредоточено на прояснении субъективных условий материализации аутентичного продуктивного назначения интеллигенции.

Итак: как, когда, где размышляющий слой способен реализовать свое свободно отправляемое творческое дело?

Интенсивное мыслительное движение в проблеме оправдывается реконструкцией негативного (чего не делать) и позитивного (что делать) измерений предметного процесса, получающего осмысление в единстве апофатических и катафатических описаний. Вначале – о том, что «терпеть без подлости не можно» – чего не делать.

1. Тиски мещанства. В противовес добропорядочному, инспирирующему жизнестроительные побуждения, требующему реабилитации о-бывательскому мещанству [12, 13] заслуживает всестороннего осуждения и забвения мещанство творческое, распространяющее «умственную скуку, бездарность, уныние» (Шелгунов), понижающее критический темп, аналитический тонус жизни, нарушающее «очередь мысли и разума».

Измельчание духа – шиболет «творческого» мещанства, характеризующий геростратовские усилия Вонлярлярского, Булгарина, Боборыкина, Потапенко, Мосальского, Голицинского, Вс. Крестовского, Вс. Соловьева, Баранцевича, Тихонова-Лугового, Дедлова-Кигна, Щеглова, Маслова-Бежецкого, Бибикова, Будищева и еще прорвы нехудожественных воспевателей обывательства. Речь – не о пафосе, фабуле «малых дел» (тематизируемых и Писемским, Лесковым, Успенским, Чеховым и др.), а о курином размахе крыльев, отличающим всю эту группу [7, с. 293] без намека на идеальность, присутствие таланта. Как точно указывалось в обобщающем материале «Недели» за 1888 г. – представители мещанства в культуре смотрят прямо (!) в лицо действительности, «без цветных очков идеализма (! – атрибуция духовных занятий. – *Авт.*)», не чувствуют «ненависти и презрения к обыденной человеческой жизни» («жизнь» и «романная жизнь» – не соответственны. – *Авт.*), не понимают, не признают «обязанности человека быть непременно героем», не верят в «возможность идеальных («модельных» – соответственно назначению культуры производить fiction – *Авт.*) людей» [25, с. 483].

Культурное творчество зиждется на выработке идеалов (идеальной регулятивной формации) – сиречь сознательном отходе, отказе от воспевания прозы – обывательской, мещанской стороны существования, своей диспозицией «блажен, довольствующийся малым», исключаящей

преодоление жизненных обстоятельств «великой любовью к людям» в возвышающем экзистенциальном и гражданском росте.

Мещанин от культуры, подмечал Горький, способен видеть, принимать унылую «правду факта», ему чужда, непонятна правда «стремления к творчеству фактов» [5, с. 366], без коего, что очевидно, нет созидания, возделывания, обихожения человеческой души, а в силу того, – вершения самое культуры, в которой – средоточие творческого подвига, запечатлевающего великие – идеальные – «порывы духа» [6, с. 64].

2. Нелюбовь к Родине. Русофобство. Иногда нелегко – жить на Родине. Но на чужбине – всегда хуже. Как признавался терпевший незаслуженные лишения Пушкин – независимо ни от чего, ни за что на свете он «не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков» [27, с. 310].

Принудительно высланные и непринужденно выехавшие – невольные страдалцы увозили с собой не столько ностальгию, сколько Родину как непритупляемое чувство дорогого, близкого – ручьев, рек, лесов, полей, трав, бабочек, дорог, людей, песен... Таковы Набоков, Бунин, Вертинский, Ремизов, Шмелев, Рахманинов...

Вспомним претерпевшего Бродского: «Я не позволял себе в России (а затем – и на Западе. – *Авт.*) использовать меня в той или иной политической игре... Независимо от того, каким образом ты его покидаешь, дом не перестает быть родным как бы в нем – хорошо или плохо – ни жил. И я совершенно не понимаю, почему от меня ждут, а иные даже требуют, чтобы я мазал его ворота дегтем. Россия – это мой дом, я прожил в нем всю свою жизнь, и всем, что имею за душой, я обязан ей и ее народу».

Императив «быть русским – значит... любить Россию» – ввел А. Белый, в 1921–1923 гг. живший за границей, но эмигрантом не ставший и оставшийся верным высказанному в 1908 г. («Из окна вагона») кредо:

Мать Россия! Тебе мои песни, –
О немая, суровая мать! –
Здесь и глуше мне дай и безвестней
Непутевую жизнь отрыдать.

У кого не получилось, как прежде, не получается, как теперь, – все одно, – следует сторониться бездарного сумасбродства (выказываемого Быковым, Пономаревым, Каспаровым, Галкиным и К^о) свои невоплотимые мечты покрывать шельмованием, поносителем Отечества.

Как назидала прожившая короткую, трагическую жизнь, почти два десятилетия пребывавшая за рубежом Цветаева («Стихи к сыну» (1923) – впоследствии фронтовику, без вести пропавшему 7 июля 1944 г. в бою под Витебском):

Ни к городу и ни к селу –
Езжай, мой сын, в свою страну, –
В край – всем краям наоборот! –
Куда назад идти – вперед
Идти, – особенно – тебе,
Руси не видывавшее
Дитя мое...

Верно, подчас что-то понять и принять трудно, но два солнца (образ Цветаевой): одно – на небе, другое – в груди совмещаются в дорогом понятии «Моя Родина», которая делает нас не

«двуногими без перьев», но людьми, и изменять которой – все равно, что утрачивать в человеке – себе – то, что звучит, может звучать «гордо».

3. Мизантропия. Кардинальное, первоисточное назначение интеллигенции – торить в мыслях «путь к небу», обслуживать духовные абсолюты, дабы не было голода ума, сердца, души [22, с. 295], приязненно нацеливая на великое

Безличное – вочеловечить,
Несбывшееся – воплотить!
(Блок).

Прерогатива интеллигентского образа мысли и действия – не диктат (в любых формах), но просветление, не жесткая, но мягкая сила. Сила углубляющего самовозвышения, искания в человеческом божеского, взращивания внутренней святости.

На фоне сказанного вызывает крайнее недоумение (не говоря: возмущение) линия иных наших «прогрессистов» от интеллигентского цеха провоцировать «раздавить гадину». В качестве рельефного казуса возьмем письмо (ох, уж эти рычаги деиндивидуализации – коллективные воззвания, обращения, письма) «Сорока двух» по поводу октябрьских событий 1993 г. – штурма Дома Советов (число жертв вследствие проведения которого до сих пор неизвестно) – где «цвет» культурной элиты решительно высказался за уничтожение оппозиционеров – оппонентов «демократии» (точнее – власти). С призывом к расстрелу защитников резиденции «советов» активно выступили представители интеллектуально-художественного сообщества, так сказать, «гордость», «совесть» нации. Лишь очень немногие, сохранившие лицо в разыгравшейся в режиме «on line» социальной трагедии, памятуя о необходимости не кровавого, но легально-легитимного разрешения общественных коллизий, отважились на откровенное осуждение действий коллег, использовали хлесткую фигуру Л. Филатова «Как мерзко быть интеллигентом».

Расставим требуемые точки над *i*. Интеллигенция – слой, выделяемый по функционально-ролевому признаку. Без дополнительного наделения его «душещипательными» нравственно-этическими привлекательными качествами. В последнем случае – социологически, социально-философски уместней говорить об «аристократии» (именно так поступала Цветаева, рекомендуя величать ее «аристократкой»). Отличие интеллигенции от аристократии – дифференцирующая атрибуция не по «социальной нише», но склонности к рефлексивной духовно возвышающей, рассчитанной на «углубление, утомительную вдумчивость» деятельности.

Все агенты социального взаимодействия могут безмолвствовать; вся Вселенная (используя образ Баратынского – Маяковского) может спать, «положив на лапу с клещами звезд» свое огромное и закрытое «ухо». Не то интеллигенция! В отличие от толпы, вмещающей (при всей относительности, а значит, не всеобщности выражаемого) и «аристократию», интеллигенция не может безмолвствовать, отстраненно закрывать «уши»; сенсуально и ментально она – бдит, через духовное моделирование, выпуск идеальной fiction намечает заветный путь в заветное грядущее. Интеллигенция производит чаемое. Никак не связанное с расправой – не человеконенавистническое, братоубийственное, brutальное.

Если квалифицировать упомянутую острейшую ситуацию общенационального октябрьского кризиса 1993 г., безупречную схему интеллигентского поведения в ней демонстрировал Зорькин, предлагавший посредничество для урегулирования конфликта ветвей власти. Содействие соглашению, к несчастью, не потребовалось по причине недоговороспособности сталкивавшихся сторон.

Развернем проблему в плоскость принципиальную: к чему склонялась, и к чему должна склоняться интеллигенция в обстановке тотального провала регламента разделения властей, сдержек и противовесов, управления страной?

Как выяснилось, интеллигенция (наиболее крикливая ее часть, оккупировавшая Дом кинематографистов) склонялась к бездумной, оголтелой поддержке неолиберального правительства «чикагских мальчиков», которые в отсутствии народного, институционального мандата активизировали развал Отечества, уничтожение созданных великим народным трудом его богатств. Тогда как должна была склоняться к фронтальной ревизии политического прецедента, обнажившего полную недееспособность национально-государственных институтов, и обеспечить необходимую санацию властно-управленческой деятельности.

Не только басня – опыт учит. В качестве неперемного урока прошлого следует вынести:

а) не дело интеллигенции одобрять внутреннее насилие (иное – патриотичная реакция на внешнее насилие – в том же будирующем публичном выступлении Эренбурга (июль 1942 г.) «Убей!») в призывах изничтожать инсургентов;

б) не дело интеллигенции, утрачивая самодостоинство, холопствовать перед властью, сильными мира сего, о чем – на своем примере – Пушкин: «Я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутком не буду и у царя небесного». Близость к... кругам, двору, администрации – не повод для отказа-отхода от регулятивной насыщенности аутентичной роли;

в) маргиналы из народа, власти громят материальный остов культуры (усадыбы, памятники, алтари, престолы); интеллигентская котерия не допускает самомаргинализации в форме потворствования разрушению идеального ее (культуры) остова. Полномочная сфера жизнеутверждения интеллигенции – духовное производство, человеческое самостроение, исключаящее площадные, подстрекательские выбросы (печальное наследие «новых левых», франкфуртской школы; тем более – запретителей русской культуры на современном Западе, Украине) эмоциональной энергии;

г) непосредственная неотменяемая задача интеллигенции – программирование, проектирование гуманитарного возвышения, содержательно упирающегося в свою предельную метафизическую точку: границу мига и вечности, составляющую нерв «думы о человеке». Действительно:

Эта встреча, краткая, земная,
Что Бог нам дал и тотчас вновь расторг
(Бунин),

своей вселенской значимостью сугубо редактирует все наши (по определению бранные) сиюминутные усилия, сподвигая к всеочищающему непритворному прощению:

И мы простим, и Бог простит.
Мы жаждем мести от незнанья.
Но злое дело – воздаянье
Само в себе, таясь, таит
(Гиппиус).

Социальная миссия интеллигенции – не зубодробительная, но спасительно-очистительная.

4. Антиэтатизм. Нелюбовь к национальному государству. «Патриотизм заключается в том, чтобы поддерживать свою страну всегда, правительство лишь тогда, когда оно заслуживает» – остроумно высказывает М. Твен. Отношение нашей интеллигенции к отечественному государству-правительству – не релятивно, а субстанциально негативно; государственную власть интеллигенция константно ненавидит.

Государственная власть, утверждал композитор Гендель во мхатовском хите «Возможная встреча», вызывает у интеллигенции устойчивое желание показывать ей «голую задницу», что с удовольствием проделывал Ефремов, выдвигаясь к рампе и демонстрируя публике достоинства телесного тыла.

Вопрос «отчего так?» имеет простой ответ: обостренное чувство свободы, независимости, простора самореализации в творческих исканиях всецело противится любой форме накидывания узды, назойливого попечительства, покровительства со стороны власти, своим «нечистым» рылом оскверняющим интерьеры «чистого» калашного ряда. Интеллигенции претит инквизиция, интервенция, насаждение наведенной «партийности», которая, по Чехову, особенно если «она бездарна и суха (а еще и – воинственна: вспомнить хоть доклад Жданова и изданное по нему партийное постановление, окрестившее Ахматову «вавилонской блудницей», «взбесившейся барышней». – *Авт.* [11, с. 9]), не любит свободы и широкого размаха» [40, с. 24].

Главное, – замечал Салтыков-Щедрин, совесть свою до дыр не износить.

Тут следует разобраться.

Одна история – угодливое услужничество, влекущее бессовестную функциональную этатизацию (небожители – чиновные руководители творческих союзов и к ним примкнувшие), высмеянную Чеховым, уподобливавшим проныру интеллигента пройдохе голавлю: «Галантен, ловок, красив (голавль. – *Авт.*)... имеет большой лоб. Состоит членом многих благотворительных обществ (! – *Авт.*), читает с чувством Некрасова, бранит щук, но тем не менее поедает рыбешек с таким же аппетитом, как и щука. Впрочем, истребление пескарей и уклек считает горькою необходимостью, потребностью времени (! – *Авт.*)... Когда в интимных беседах его попрекают расхождением слова с делом... вздыхает и говорит: – Ничего не поделаешь, батенька! Не созрели еще пескари для безопасной жизни, и к тому же... если мы не станем их есть... что же мы им дадим взамен?»

Другая история – забота о «земной жизни» в служении, которое, подправляя Лескова, для благородного духа легко и скоро не теряет своей ценности [20, с. 555]. О последнем – тот же Чехов: «Нужен хоть кусочек общественной и политической жизни... жизнь в четырех стенах (пресловутая *tour d'ivoire* – авт.) без природы, без людей, без отечества... это не жизнь» [42, с. 255].

Жизнь без государственного служения вроде бы... «Удобная философия: и делать нечего, и совесть чиста, и мудрецом себя чувствуешь...». Но – нет. «Это не философия, не мышление, не широта взгляда, а лень, факирство, слепая одурь...» [39, с. 377].

И – всеобщая интеллигентская история: обретение себя в проходе между Харибдой и Сциллой: «служить бы рад – прислуживаться тошно».

«Близ царя – близ смерти, – полагает Вяземский. – Честь царю, если сия пословица родилась на войне! Горе, если в мирное время!» Интеллигент, как любой человек – уходящая, но не утрачиваемая натура; служит стране – всегда, равно как достойному правительству, но никогда никому не прислуживает. Действия интеллигенции не могут быть бесцветней, бездарней ее способностей.

5. Невозможность быть собой. «...всякий из нас, – замечает Достоевский, – носит в себе чуть ли не прирожденный стыд за себя и за свое собственное лицо» [8, с. 119]. Откуда в природе российской интеллигенции прямо-таки маниакальная склонность, утрачивая само достоинство, не уважать, не ценить, стыдить себя? Отвечая односложно и прямо, – от искушений, соблазнов пускаться в неоправданные, неподготовленные, часто сомнительные предприятия «вот бы», посторонние жизни, непонятные власти, чуждые народу.

Ключ к пониманию составляет следующее.

Исконная черта нашей интеллигенции – ходя вокруг «живого дела» и не заглядывая в его лицо [30, с. 422], но и не отравляя чрезмерным ядом насущную «злобу дня» [31, с. 9], высказывая слова «любви и упования», все пускать «в переборку». Отсюда – стыд. Чувство сильнейшего недовольства собой в комбинации со смущением от предосудительной пропасти между словом и делом, отчуждением, разобщением с народностью, государственностью, живущими не измышленными, а существовательно укорененными интересами.

Стыд – от неучастия в управлении, организации дел державных, востребующих трезво-мысленной, никак не наведенной инициативности.

Отсюда – упреки пекущихся о неурядицах национального строя, претендующих на ответственное участие (даже и типа Нечаева), бросающих досадные обвинения в «нравственной шаткости цивилизованного меньшинства» [28, с. 227].

Ответ озирающих «всю громадно-несущуюся жизнь» [4, с. 134] в ее идеальности – полифундаментальный, упорядочиваемый разнонаправленными руслами.

Первое – рекрутирование во власть, по выражению Чернышевского, – «угождение господствующему образу мыслей» [37, с. 73]. Для принципиальности рассмотрения и одновременно достижения широты охвата – поправим: не только мыслей, – лиц, дел.

Заботе о неурядицах национального (и народного) быта посвящали свое бескорыстное служение многие выдающиеся представители интеллигентской элиты от полководцев, реформаторов (типа Канкрин, Киселева, Милютин, Рейтерн, Бунге, Мордвинов, Витте) до государственных деятелей (Горчаков, Сперанский, Лорис-Меликов, Уваров, Победоносцев), просвещенных интеллектуалов (пытавшихся наводить мосты между властным и размышляющим слоем – рауты Валуева, Арсеньева, Головина, Богданович), политиков (Андропов использовал творчество Высоцкого в борьбе с «застоем», организацией курса на «обновление», специфически толкуемому им «весну»).

Как говорил Достоевский, Бог и Правда одолевали сердце, – но никакие опыты, тщания, стремления не сдерживали разгула репрессивной властной диктатуры, не препятствовали наступлению на народ, усилению аморфности общественного положения самой интеллигенции.

В результате – разрушение вовлечения и участия, вынужденный выход из наряда (Короленко отказался присягнуть на верность Александру III, за что отправлен в ссылку в Якутский край) с утратой державного амплуа, имплицитующей обидное чеховское: «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр».

Добавим: не только выходят, занимаясь уничтожением себе подобных (одиозное решение об исключении из союза писателей Солженицына, травля академическими кругами Л. Гумилева и т.д.), но и становясь на порочный путь:

– откровенного компрадорства: чего стоят недостойные восторги с поздравительными адресациями японской стороне по случаю победы под Цусимой;

– выполнения по указке сверху сомнительных «госзаказов» по дискредитации уважаемых лиц – конъюнктурные занятия с выпуском «воспоминаний» последней фрейлины императрицы Анны Вырубовой, к написанию коих предположительно привлекались А. Толстой с Щеголевым;

– социального перерождения: даже при Сталине, разработавшем жестокий механизм периодичной волюнтарной перетряски интеллигентских управленческих элит, в цитадели

опричников режима – органах МГБ – Ягода, Берия (если брать ситуацию текущего времени, нельзя не назвать одиозные имена начальника 5 Службы ФСБ Беседы, начальника Департамента оперативной информации Болюха и др.), ничтоже сумняшеся, запуская нечистую руку в народную казну, ухитрились выстраивать коммунистическое благосостояние в одной отдельно взятой советской (российской) семье.

Второе – поход на выучку к народу. Обострим: какому народу? почему – народу? Прежде всего, народ – неоднороден; представляет ассоциацию разных групп населения от невзыскательных, отстраненных обывателей (рутинная масса) до овеванных высокой патриотичной героикой сподвижников (Илья Муромец, Иван Сусанин, Кузьма Минин и т.д.) самоотверженности, храбрости, доблести, славы, индукторов борьбы за свободу, независимость, процветание нации. Кроме того, в недалеком прошлом и, к несчастью, переживаемом настоящем в «стандарте» народ не демонстрировал и не демонстрирует какого-то преимущества своего «месторазвития». Следует принять в расчет: в народе (впрочем, как и других полноценных стратах), как минимум, есть многочисленные «смердящие» (смердяковы Достоевского), «чумазы» («чумазы» Салтыкова-Щедрина), «гулящие» («гулящие» Ключевского), «хамы» («хамы» Мережковского), что вкупе со скверной онтогенетикой отечественного отеческого правления дезавуирует воодушевления по части версификаций народной роли в обществе.

Здесь – адресуемся к Чернышевскому: дурное самодержавное управление производит «подавление нравственной энергии (инициативы. – *Авт.*) в народе... Может ли быть энергичным человек, привыкший к невозможности отстоять свои законные права, человек, в котором убито чувство независимости, убита благородная самоуверенность? Соединим... упадок нравственных сил с бедностью, и... пойдем, почему дремлют... умственные силы нашего народа» [38, с. 709].

На фоне высказанного, – побуждения «в народ», «к народу», – что означают, к чему склоняют? Не торопясь с ответом, обратимся к Толстому, призывавшему сообщить искусству «народность», вменявшему художнику «слиться с народом». О чем речь? – об утилизации творческого продукта «неподготовленной», а часто «безвкусной» массой?

«... отчего бы... – вопрошает Толстой, – людям искусства не служить народу? (вопрос – как именно? Богатство творческого служения покрывается альтернативой: путь вниз – нисхождение, путь вверх – восхождение; низведение небес на землю – вознесение земли на небеса. – *Авт.*)... в каждой избе есть образа, картины (кем исполненные? Рублевым или маляром? – *Авт.*), каждый мужик, каждая баба поэт (навряд ли: произведения создаются «не каждым»). – *Авт.*); у многих есть гармония, и все рассказывают истории (как? – народные сказания систематизируются, обрабатываются специалистами. – *Авт.*), стихи... Скажите живописцу, чтобы он... рисовал бы пятикопеечные картинки (сведение искусства к лубку?! – упаси Боже! – *Авт.*)... скажите музыканту, чтобы он играл на гармонии (как Воронцов, Сизов, Чулков, Белобородов? – *Авт.*) и учил бы баб петь песни... Скажите поэту, сочинителю, чтобы он бросил свои поэмы и романы (Пушкину – стать Ариной Родионовной? – *В. И.*) и сочинял песенники, истории, сказки, понятные безграмотным людям...» [35, с. 346].

Гримаса заключается в том, что и прежде, и теперь «безграмотные люди» самого Толстого, не опускавшегося до лубочных поделок, как и других уподобленных ему авторов, не читают и не почитают (из недавних социологических опросов: кто написал «Войну и мир»? – Евгений Онегин; кто такая Анна Каренина? – кажется, писательница, но произведения ее нам неизвестны); а уж кто, что, как рассказывает, сочиняет, поет («а мне – пох...»), – достойно (или недостойно?) отдельного обсуждения.

К чему призывает Толстой? – разгрому высокой культуры? насаждению масскультуры? контркультурному восстанию масс?

Относительно уместности инкорпорировать в культуру мещанство, тривиальные заботы о «мелочах жизни» мы высказались ранее. Здесь выскажемся относительно интригующего: почему «только в народе спасенье» (А. К. Толстой)?

В державно-патриотическом смысле народ – всецело, исключительно он – последняя надежда и сила, обеспечивающая возможность любого «общественного успеха» (Грановский). Всегда, во всем. Это – одна сторона дела. Другая состоит в том, что в национальной истории здоровое самостояние народа традиционно подрывалось сковывающими гарротами поруганного рабства. Как не уставал подчеркивать Салтыков-Щедрин, Россия – страна, где «бьют по зубам» [30, с. 27], где практикуется заушенное «пади! задавлю!» [30, с. 29].

В такой обстановке – на что способен народ? Какие преимущества дает с ним слитие?

Прокламируемая Толстым линия «приобщения» критиковалась

– Соловьевым, квалифицировавшим ее «мнимым евангелием» [32, с. 84];

– Степуном: «под бичующими ударами толстовского морализма падают... культурные ценности... Толстой производит их обесценивание»; Толстой-теоретик – злой дух «развоплощения» [33, с. 675].

Если брать глубже, толстовская линия критикуема за неправомерное низкопоклонство: «ничему отвлеченному (высоко культурному. – *Авт.*), ни в политическом, ни в теологическом роде, куфельный мужик людей высшего общественного круга не научает» [16, с. 494] и научать не способен.

Более серьезные претензии сводятся к недоумению по поводу заявляемого идеала в виде вычурной, во всем опрометчивой, если не говорить навязчивой, антипрогрессистской платформы, – во внецивилизованном способе воспроизводства существования, дескать, есть решающие достоинства: в духе архаичной пасторали романтизируется бытовая отсталость: прекрасно, что народ живет без железной дороги (впрочем, и без дороги), и без доктора, и без учителя, и агронома, и плодов просвещения (высмеянных в «Плодах просвещения») и...

Счастье народа – в природе (апологией «натурализма» пронизана житейская история дяди Ерошки, идейное кредо Левина), не – культуре [35, с. 85–87]. Счастье ли?..

Философия скептицизма, нигилизма, обструкционизма относительно привития «успехов человечности» народному сословию критики не выдерживает.

«Искать до слез и сжатий сердца», – призывал Достоевский. «Искать, все время искать», – находясь на смертном одре, вторил ему Толстой. И один, и другой искатель устремлялся к открытию царства божия в человеке, главным образом – в себе. Такого рода поиски, разумеется, не завершились, о чем свидетельствует совокупное человеческое духовное и практически-духовное наследие.

Что до народа, – прямолинейная лобовая апелляция к молчаливому (признаемся – во многом «недалекому») большинству не вдохновительна: в рутинные периоды ламинарного обывательского жизнеподдержания народ безмолвствует, – вождельенного «света и спасения» (Достоевский) не поставляет.

Реалистичный принцип взаимодействия «интеллигенция – народ» подчиняется высоконадежному механизму колесной пары: жестко посаженные на ось державного процветания, они вращаются (должны так делать) вместе с осью как единое целое. Единство, цельность, слаженность действия обеспечивается квадригой:

– интеллигенция, оказывая содействие «выяснению идей в сознании» [18, с. 532], помнит о «пути жизни», ибо «жрать всем надо», в чем – революция [17, с. 253];

– интеллигенция открывает народу «сокровищницу, в которой сложен умственный капитал, скопленный усилиями человеческого ума» [Лесков] (Ср. Достоевский: «мы должны преклониться перед народом и ждать от него всего (и мысли, и образа, и правды. – *Авт.*)... но... преклониться... под одним... условием... чтоб народ и от нас (интеллигенции. – *Авт.*) принял многое из того, что принесли с собой») [9, с. 45];

– высшие слои испытывают чувство «неоплатного долга» к народу [8, с. 74], ибо – в нем, все-таки – в нем – «все спасение» [10, с. 22]. Почему? Потому что «в народе... (только в нем. – *Авт.*) вполне сохранилась та твердая сердцевина, которая спасет его (всех нас. – *Авт.*) от излишеств (людических экзерциций. – *В. И.*) и уклонений (модельных упражнений. – *Авт.*)... культуры (перверсивных выбросов, «изысков» распущенной самости – тех же маршей ЛГБТ – авт.)» [9, с. 119];

– народ и интеллигенция, вступая в гражданское союзничество, блокируют близорукие интервенции неинституционального самодержавия, которое, по словам Федотова, опираясь на народ, подавляет интеллигенцию и, опираясь на интеллигенцию, разрушает быт, оскорбляет «нравственное чувство народа» [36, с. 129].

Таким образом, используя фигуру К. Павловой, правильно подытожить:

Да возвеличится Россия,
И сохранятся наши имена.

Третье – героизируемое исполнение «главной» роли.

Психологическое измерение – внутренняя инициация (Ефремов отказывался репетировать, ставить, если не был влюблен).

Интерактивное измерение: толпа (синкретичная категория) «все готова простить, кроме таланта», – высказывает Уайльд. Нечто подобное – М. Булгаков: художника изничтожают коллеги, не могущие переступить через самодурство, зависть, алчность, ревность, злобу, корысть («товарищи» по цеху дискредитировали Прокофьева, Шостаковича, Пастернака; Ливанов покинул МХАТ из-за свар; настоящим погромом, битьем соратников отмечены гласно-демократические «перестроечные» съезды кинематографистов (где публичной порке подверглись Бондарчук, Матвеев, Тихонов), писателей (где всыпали Михалкову)).

Публичное измерение: ставка на харизму, эпатаж, притворство, кокетство, рисовку, позу, игру в прогрессизм, хайку, мнимую солидарность при полном непонимании происходящего. Из толпы свидетельств выберем:

а) Р. Быков о демократии (при всем том, что в глубине естества нашего все мы – демократы): «Почему-то стала раздражать пресловутая (!?– *Авт.*) идея демократии... Демократия почти физически представляется... чем-то вроде Алеши Баталова (олицетворение! – „пресловутая“ – в интерьере „лица“. – *Авт.*) – сплошные разговоры о хорошем, личина хорошая... а на деле – „жри кто кого может, а ты спасайся как можешь“ – у нас демократия»;

б) Умилительное письмо (эпистола – почти забытый жанр) деятелей культуры в поддержку бывшего художественного руководителя Гоголь-центра Серебренникова, арестованного за тривиальную растрату государственных (народных) средств. Одно дело – солидарность с художником (отсидевшим в застенке 4 года за «творчество» Параджановым), другое дело – с казнокрадом.

Используя слог Чернышевского, «чувства независимости», «благородной самоуверенности» [38, с. 709] – прекрасные, высокие чувства, – когда самоотверженны, открыты, честны. Идеально – когда конституируются:

– вдохновением: поэты, артисты считались каким-то особым (!), исключительным племенем, повинующимся лишь требованиям своего прихотливого творческого подъема [43, с. 8];

– профессионализмом: деятельность творцов не подлежит «другой критике (это не так: вспомнить драматические казусы Пушкина, Чернышевского... Вознесенского, Солженицына, Бродского и др. – *Авт.*), кроме так называемой художественной, т.е. критике формы» [43, с. 8] (однако же критическое слово профессиональных кругов – первостепенно);

– подвижничеством: сознательным принятием на себя тяжелого труда, лишения во имя высоких ценностей, целей.

Очевидно, такая «экипировка» деятельности способна быть исключительно:

– индивидуальной (никак не коллегиальной), на что обращал внимание Чехов, подчеркивавший: «Я верю в отдельных людей, и я вижу спасение в отдельных личностях... интеллигенты они или мужики, – в них сила» [41, с. 101];

– элитарной, фиксирующей причастность не верхушке, но благородству, на что обращал внимание Н. Михалков, досадовавший: «Современные артисты (в большинстве своем. – *Авт.*) – не элита».

(Причина вырождения-перерождения творческих элит, поднимаемая и вынужденными эмигрантами с ФП, и оставшимися на Родине интеллектуалами (Богданов, Луначарский, Горький), находила всецело отрешенное и уж точно не устраивающее нас, живущих век спустя, решение в терминах богоискательства – богостроительства – идеальных изменений в «самом человеке». Какие могут быть подвижки-изменения, если заложенная в бюджет доля отчислений на культуру – культивирование человечности составляет 0.3 (2022) – 0.6 (2023) %?).

Четвертое – фронда, государствоотступничество, борьба с властью. Как вытекает из сказанного, интеллигенция как социальный слой отчаянно диспергирована на антагонистичные составляющие:

– визионеры – уставшие от бездействия, равнодушные к труду, несомые по течению жизни внаходимые сетователи на судьбу эскаписты, в духе чеховского профессора Серебрякова причитающие: «Надо, господа, дело делать»;

– государственники – радикально отмежевывающиеся от «созерцателей» – активисты, социальные деятели (не крапивное семя, но оплот национального поприща – Уваров, Шишков, Горчаков, Тютчев, Катков, Д. Толстой, Валув, Победоносцев, Витте и др.), у которых «толк по разуму и по совести» (Лесков), не призывно, – инициативно – захватывал возвышение над «грубой корой вещества» (Соловьев);

– и одним, и другим противостояли борцы – сподвижники свободы и воли, обуреваемые безмерной заботой не изображать, не сопровождать, но стремительно приближать положительно прекрасное в жизни и человеке. Приближать – как? Усилением ноты «бодрости и любви к (достойной человеческой. – *Авт.*) жизни» (Горький).

В «усилении» подобной ноты революционно-демократическое и либеральное крыло интеллигенции XIX в. преуспело. Укажем на Герцена: светлое дело борьбы за свободу достойно серьезного поднятия оружия [2, с. 593]; Чернышевского: прекрасное есть правильно организованная жизнь; Чехова: прекрасное – серьезно.

Между тем, в обстановке социального деграданса, развала народничества, нарастания реакции (после мартовского 1881 г. царубийства) призывы Руси «к топору», «увенчанию здания» оказывались обреченными.

Невзирая на реставрацию «ноты» и ее разработку в XX в. (творчество того же Горького, бичевавшего «уездную, звериную глушь» «Городка Окурова»), принципиальный вопрос национального устройства (при всех революционных бурях прошлого столетия)

Когда же всколосится поле,
Вздохнет униженный народ
(Блок),

удовлетворительно разрешен не был. Властеотступники, режимовоители от интеллигенции возлагаемой на себя ответственной миссии не выполнили.

6. Гордыня, препятствующая выходу, по словам Шевырева, на «широкую мысль». Интеллигент, используя соображение Зоценко, есть артист – человек, одаренный болезненным пристрастием. Вникнем в уничтожающую ленинскую характеристику Толстого – «истасканный, истеричный хлюпик». Это – не по части «зеркала», а по части «стержня» лица, внутренняя несосредоточенность которого обуславливалась «ветром тщеславия», странным самовозвеличением, сомнением. Толстой отвергал значимость – в литературе греческих трагиков, Данте, Тассо, Мильтона, Шекспира, Гете, Золя, Ибсена, в живописи – Рафаэля, Микеланджело; в музыке – Баха, Бетховена [34, с. 141]; и отдельно, и специально – Пушкина [34, с. 187].

Лучше воздержаться от комментариев, дабы не сбиться на «*ria graus*».

Что до курьезного «child free» (от человека, охочего до размножения, вступавшего в бесконечно неразрешимые конфликты с супругой, по медицинским и гуманитарным показаниям противящейся деторождению), то иначе, как самодурством, сие не назвать. Опять же, избегая комментариев, напомним только

– Ломоносова: «Полагаю самым главным делом: сохранением и размножением русского народа, в чем состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей» [24, с. 444–445];

– Чехова: «Черт бы побрал философию (негативизма в вопросе воспроизводства рода – авт.) великих... мудрецы деспотичны... невежливы... потому что уверены в безнаказанности...» [26, с. 231–232].

7. Предвзятость. Претензия на оригинальность оборачивается неоправданной предубежденной рисковостью. Взять И. С. Аксакова, усматривавшего в судьбою пришибленном существе – тургеневском Герасиме – «олицетворение русского народа» [29, с. 475].

К чему «совершенно бессмысленный темп» (Степун) в обосновании необосновываемого: пускай добродушное, симпатичное, но безмолвное, лицо не может быть национальным «воплощением». Если брать в союзники гносеологию, – какой атрибуцией, предикацией уточнять освоению подлежащий «национальный характер»? – «невыразимым» «бессудным безмолвием»?

Верно: в жанре «рассказа кстати» возможно бичевать отвратительнейшие пороки бытия русского, где (ограничимся лесковским) «с честностью можно только страдать и пресмыкаться» [21, с. 261]; для благородного духа земная жизнь «легка и скоро теряет всякую цену» [20, с. 555], но – тем не менее, – подправляя Пастернака, – где

Силу подлости и злобы
Одолевает дух добра,

где народ, каким бы нелепым, в представлении своеобразных модельеров, ни подавался, все-таки – народ выступает носителем терминально здоровых жизненных сил [1, с. 20–21].

8. Западоклонничество. Устойчивый мотив развитой национальной пятой колонны, представлявший традиционный предмет решительной борьбы (и высланных на ФП веховцев) отечественных патриотов, встававших на защиту чистоты:

– родного языка:

Ах! если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнания иноземцев.
Воскреснем ли когда от чужевластья мод?
Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев;
(Грибоедов);

– родной земли:

...Русская земля
От вас не примет просвещения,
Вы страшны ей: вы влюблены
В свои предательские мненья
И святотатственные сны!
Хулой и лестью своею
Не вам ее преобразить,
Вы, не умеющие с нею
Ни жить, ни петь, ни говорить!
Умолкнет ваша злость пустая,
Замрет неверный ваш язык:
Крепка, надежна Русь святая,
И русский Бог еще велик!
(Языков);

– родной веры:

И эта вера в правду бога
Уж в нашей не умрет груди,
Хоть много жертв и горя много
Еще мы видим впереди...
Он жив – верховный промыслитель,
И суд его не оскудел,
И слово Царь-освободитель
За русский выступит предел...
(Тютчев).

Мы указали на некоторые слабости нашего передового слоя, высказали «горькие мысли», исходя из того, что маркировка их – суть благо: «оно залог нашего лучшего будущего» [19, с. 258], где отечество наше – Россия – предстает обновленной, мыслящей, серьезно устроенной в долготе дней своих [20, с. 458].

Статья публикуется при финансовой поддержке издательства «Социально-гуманитарное знание» (решение №220660).

Литература

1. Блок А. *Собрание сочинений*. Л., **1936**. Т. 8.
2. Герцен А. И. *Полное собрание сочинений в 30 т.* Т. 20. Кн. 2: Произведения 1867–1869 годов. М.: Изд-во Акад. наук СССР, **1960**. 504 с.
3. Герцен А. И. *Собрание сочинений в 30 т.* Т. VII: О развитии революционных идей в России. М.: Изд-во Акад. наук СССР, **1956**. 467 с.
4. Гоголь Н. В. *Полное собрание сочинений в 14 т.* М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1937–1952 гг. Т. VI: Мертвые души. Т. 1. 909 с.
5. Горький М. *Собрание сочинений в 30 т.* М.: Гос. изд-во худож. лит., **1953**. Т. 23: Статьи: 1895–1906. 464 с.
6. Горький М. *Собрание сочинений в 30 т.* М.: Гос. изд-во худож. лит., **1953**. Т. 24: Статьи, речи, приветствия: 1907–1928. 574 с.
7. Груздев И. *Горький и его время*. М.: Совет. писатель, **1948**. Т. 1. 607 с.
8. Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений в 30 т.* Т. 21: Дневник писателя 1873. Статьи и заметки 1873–1878. М.: Наука, **1980**. 554 с.
9. Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений в 30 т.* Т. 22: Дневник писателя 1876. Январь – Апрель. М.: Наука, **1981**. 410 с.
10. Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений в 30 т.* Т. 30. Кн. 1: Письма 1878–1881. М.: Наука, **1988**. 458 с.
11. Жданов А. *Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград»*. М.: Госполитиздат, **1952**. 31 с.
12. Ильин В. В. Интеллигенция в национальной истории: к 100-летней годовщине «философского парохода». Часть I: Контрверза: власть, народ-интеллигенция // *Российский гуманитарный журнал*. **2022**. Т. 11. №4. С. 217–230.
13. Ильин В. В. Интеллигенция в национальной истории: к 100-летней годовщине «философского парохода». Часть II: интеллигенция-власть, народ. Печать сиротства // *Российский гуманитарный журнал*. **2022**. Т. 11. №5.
14. Ильин В. В. Философское сегодня. Часть I. Splendida vitia // *Российский гуманитарный журнал*. **2020**. Т. 9. №2. С. 81–103.
15. Ильин В. В. Философское сегодня. Часть II. Lux benigna // *Российский гуманитарный журнал*. **2020**. Т. 9. №3. С. 151–164.
16. Лесков Н. С. *Полное собрание сочинений в 30 т.* Т. II. М.: Терра, **1996**. 990 с.
17. Лесков Н. С. *Полное собрание сочинений в 30 т.* Т. VI. М.: Терра, **1999**. 814 с.
18. Лесков Н. С. *Полное собрание сочинений в 30 т.* Т. XI. М.: Терра, **2012**. 800 с.
19. Лесков Н. С. *Собрание сочинений в 11 т.* М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956–1958. Т. I. 507 с.
20. Лесков Н. С. *Собрание сочинений в 11 т.* М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956–1958. Т. III. 640 с.
21. Лесков Н. С. *Собрание сочинений в 11 т.* М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956–1958. Т. VIII. 565 с.
22. Лесков Н. С. *Собрание сочинений в 11 т.* М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956–1958. Т. IX. 595 с.
23. *Литературная теория немецкого романтизма*. Л.: Изд-во Писателей в Ленинграде, **1934**. 328 с.
24. Ломоносов М. В. *Сочинения*. М.: Гос. изд-во худож. лит., **1957**. 577 с.
25. «Неделя». **1888**. №15.
26. *Переписка А. П. Чехова в 2 т.* Т. 1. М.: Худож. лит., **1984**. 447 с.
27. Пушкин А. С. *Собрание сочинений в 10 т.* М.: ГИХЛ, **1962**. Т. 10: Письма 1831–1837. 486 с.
28. *Революционный радикализм в России. Век девятнадцатый. Документальная публикация*. М.: Археографический центр, **1997**. 576 с.
29. *Русское обозрение: литературно-политический и научный журнал*. М., **1894**. Т. 28.
30. Салтыков-Щедрин М. Е. *Собрание сочинений и писем в 20 т.* М.: Худож. лит., **1965–1977**. Т. X. 839 с.
31. Салтыков-Щедрин М. Е. *Собрание сочинений и писем в 20 т.* М.: Худож. лит., **1965–1977**. Т. VII. 695 с.
32. Соловьев В. С. *Собрание сочинений в 10 т.* СПб.: Просвещение, **1911–1914**. Т. 10. 527 с.
33. Степун Ф. А. *Сочинения*. М.: РОССПЭН, **2000**. 1000 с.
34. Толстой Л. Н. *Собрание сочинений в 22 т.* М.: Худож. лит., **1983**. Т. XV. 432 с.
35. Толстой Л. Н. *Собрание сочинений в 22 т.* М.: Худож. лит., **1983**. Т. XVI. 412 с.
36. Федотов Г. П. *Судьба и грехи России*. СПб.: София, **1994**. Т. 1. 350 с.
37. Чернышевский Н. Г. *Полное собрание сочинений в 15 т.* М.: Гослитиздат, **1939–1953**. Т. II: Статьи и рецензии. 1853–1855. 943 с.

38. Чернышевский Н. Г. *Полное собрание сочинений в 15 т.* М.: Гослитиздат, **1939–1953**. Т. V: Статьи. 1858–1859. 1006 с.
39. Чехов А. П. *Малое собрание сочинений*. СПб.: Азбука, **2010**. 796 с.
40. Чехов А. П. *Полное собрание сочинений и писем*. М.: Гос. изд-во худож. лит., **1949**. Т. 14: Письма II. 1888–1889. 683 с.
41. Чехов А. П. *Собрание сочинений и писем в 30 т.* М.: Наука, **1974–1983**. Письма. Т. 8. 711 с.
42. Чехов А. П. *Цит. соч.* Т. 15: Письма. III. **1890–1892**. 686 с.
43. Эдельсон Е. *О значении искусства в цивилизации*. СПб.: тип. д-ра М. Хана, **1867**. 92 с.

Поступила в редакцию 08.12.2022 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2022.6.1

Intelligentsia in national history: on the 100th anniversary of the “philosophical steamship”: Part III: Intelligentsia – apophatic perspective: what not to do

© V. V. Ilyin*, E. A. Biryukova, O. P. Sapegina,
E. C. Shaura, T. V. Shafigullina

*Kaluga Branch of the Bauman Moscow State Technical University
(national research University)
2 Bazhenov Street, 248000 Kaluga, Kaluga region, Russia.*

*Email: vvilin@yandex.ru

Continuing the substantive discussion of the articles opened in previous issues of the journal about the role of the intelligentsia in Russian society, the authors draw attention to the traditional plot for such productions: which inheritance should be abandoned. Against a broad socio-historical, political and civil background, the illegality of the characteristic “predilections” of the reflecting public is demonstrated, transmitted by a tendency to sins, detached dreams, one-time romance, lack of efficiency, unwillingness to positive action. In a natural manner, the sanitizing prospect of a transition to a “living cause” is indicated, canceling the dominance of inertia, disinterest, stagnation.

Keywords: intelligentsia, government, people, on the way to symbiosis.

Acknowledgments. The article is published under the financial support of "Sotsial'no-Gumanitarnoe Znanie" Publishing House (Decision No. 220660).

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Ilyin V. V., Biryukova E. A., Sapegina O. P., Shaura E. C., Shafigullina T. V. Intelligentsia in national history: on the 100th anniversary of the “philosophical steamship”: Part III: Intelligentsia – apophatic perspective: what not to do // *Liberal Arts in Russia*. 2022. Vol. 11. No. 6. Pp. 403–419.

References

1. Blok A. *Sobranie sochinenii [Collected works]*. Leningrad, 1936. Vol. 8.
2. Gertsen A. I. *Polnoe sobranie sochinenii v 30 t. [Complete works]*. T. 20. Kn. 2: Proizvedeniya 1867–1869 godov. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1960.
3. Gertsen A. I. *Sobranie sochinenii v 30 t. [Collected works in 30 volumes]*. T. VII: O razvitii revolyutsionnykh idei v Rossii. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1956.
4. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochinenii v 14 t. [Complete works in 14 volumes]*. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1937–1952 gg. T. VI: Mertvye dushi. Vol. 1.
5. Gorky M. *Sobranie sochinenii v 30 t. [Collected works in 30 volumes]*. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit., 1953. Vol. 23: Stat'i: 1895–1906.
6. Gorky M. *Sobranie sochinenii v 30 t. [Collected works in 30 volumes]*. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit., 1953. Vol. 24: Stat'i, rechi, privet-stviya: 1907–1928.
7. Gruzdev I. *Gor'kii i ego vremena [Gorky and his time]*. Moscow: Sovet. pisatel', 1948. Vol. 1.
8. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobranie sochinenii v 30 t. [Complete works in 30 volumes]*. T. 21: Dnevnik pisatelya 1873. Stat'i i zametki 1873–1878. Moscow: Nauka, 1980.
9. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobranie sochinenii v 30 t. [Complete works in 30 volumes]*. T. 22: Dnevnik pisatelya 1876. Yanvar' – Aprel'. Moscow: Nauka, 1981.

10. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobranie sochinenii v 30 t. [Complete works in 30 volumes]*. T. 30. Kn. 1: Pis'ma 1878–1881. Moscow: Nauka, **1988**.
11. Zhdanov A. *Doklad o zhurnalakh "Zvezda" i "Leningrad" [Report on the journals "Zvezda" and "Leningrad"]*. Moscow: Gospolitizdat, **1952**.
12. Ilyin V. V. *Liberal Arts in Russia*. **2022**. Vol. 11. No. 4. Pp. 217–230.
13. Ilyin V. V. *Liberal Arts in Russia*. **2022**. Vol. 11. No. 5.
14. Ilyin V. V. *Liberal Arts in Russia*. **2020**. Vol. 9. No. 2. Pp. 81–103.
15. Ilyin V. V. *Liberal Arts in Russia*. **2020**. Vol. 9. No. 3. Pp. 151–164.
16. Leskov N. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 30 t. [Complete works in 30 volumes]*. T. II. Moscow: Terra, **1996**.
17. Leskov N. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 30 t. [Complete works in 30 volumes]*. T. VI. Moscow: Terra, **1999**.
18. Leskov N. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 30 t. [Complete works in 30 volumes]*. T. XI. Moscow: Terra, **2012**.
19. Leskov N. S. *Sobranie sochinenii v 11 t. [Collected works in 11 volumes]*. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit., 1956–1958. T. I.
20. Leskov N. S. *Sobranie sochinenii v 11 t. [Collected works in 11 volumes]*. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit., 1956–1958. T. III.
21. Leskov N. S. *Sobranie sochinenii v 11 t. [Collected works in 11 volumes]*. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit., 1956–1958. T. VIII.
22. Leskov N. S. *Sobranie sochinenii v 11 t. [Collected works in 11 volumes]*. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit., 1956–1958. T. IX.
23. *Literaturnaya teoriya nemetskogo romantizma [Literary theory of German romanticism]*. Leningrad: Izd-vo Pisatelei v Leningrade, **1934**.
24. Lomonosov M. V. *Sochineniya [Works]*. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit., **1957**.
25. "Nedelya". **1888**. No. 15.
26. *Perepiska A. P. Chekhova v 2 t. [A. P. Chekhov's correspondence]* T. 1. Moscow: Khudozh. lit., **1984**.
27. Pushkin A. S. *Sobranie sochinenii v 10 t. [Collected works in 10 volumes]*. Moscow: GIKhL, **1962**. Vol. 10: Pis'ma 1831–1837.
28. *Revolutsionnyi radikalizm v Rossii. Vek devyatnadsyati. Dokumental'naya publikatsiya [Revolutionary radicalism in Russia. Nineteenth century. Documentary publication]*. Moscow: Arkheograficheskii tsentr, **1997**.
29. *Russkoe obozrenie: literaturno-politicheskii i nauchnyi zhurnal [Russkoe obozrenie: Literary-political and scientific journal]*. Moscow, **1894**. Vol. 28.
30. Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochinenii i pisem v 20 t. [Collected works and letters in 20 volumes]*. Moscow: Khudozh. lit., 1965–1977. T. X.
31. Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochinenii i pisem v 20 t. [Collected works and letters in 20 volumes]*. Moscow: Khudozh. lit., 1965–1977. T. VII.
32. Soloviev V. S. *Sobranie sochinenii v 10 t. [Collected works]* Saint Petersburg: Prosveshchenie, 1911–1914. Vol. 10.
33. Stepun F. A. *Sochineniya [Works]*. Moscow: ROSSPEN, **2000**.
34. Tolstoi L. N. *Sobranie sochinenii v 22 t. [Collected works in 20 volumes]*. Moscow: Khudozh. lit., **1983**. T. XV.
35. Tolstoi L. N. *Sobranie sochinenii v 22 t. [Collected works in 20 volumes]*. Moscow: Khudozh. lit., **1983**. T. XVI.
36. Fedotov G. P. *Sud'ba i grekhi Rossii [The fate and sins of Russia]*. Saint Petersburg: Sofia, **1994**. Vol. 1.
37. Chernyshevskii N. G. *Polnoe sobranie sochinenii v 15 t. [Complete works in 15 volumes]*. Moscow: Goslitizdat, 1939–1953. T. II: Stat'i i retsenzii. 1853–1855.
38. Chernyshevskii N. G. *Polnoe sobranie sochinenii v 15 t. [Complete works in 15 volumes]*. Moscow: Goslitizdat, 1939–1953. T. V: Stat'i. 1858–1859.
39. Chekhov A. P. *Maloe sobranie sochinenii [Collected works]*. Saint Petersburg: Azbuka, **2010**.
40. Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem [Complete collection of works and letters]*. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit., **1949**. Vol. 14: Pis'ma II. 1888–1889.
41. Chekhov A. P. *Sobranie sochinenii i pisem v 30 t. [Collected works and letters in 30 volumes]*. Moscow: Nauka, 1974–1983. Pis'ma. Vol. 8.
42. Chekhov A. P. *Tsit. soch. [Works cited]*. Vol. 15: Pis'ma. III. 1890–1892.
43. Edelson E. *O znachenii iskusstva v tsivilizatsii [On the importance of art in civilization]*. Saint Petersburg: tip. d-ra M. Khana, **1867**.